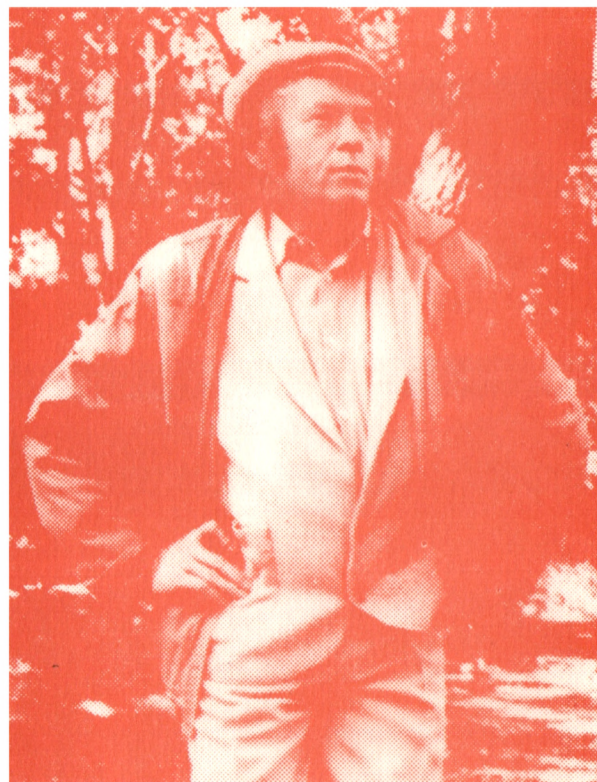

ФЕДОР ВОСТРИКОВ

**В ИЗБЕ
КРЕСТЬЯНСКОЙ**

Библиотека Пермской поэзии

ФЕДОР ВОСТРИКОВ

**В ИЗБЕ
КРЕСТЬЯНСКОЙ**

Пермь - 1996

ТРОПИНКА К НЕЗАМУТНЕННОМУ РОДНИКУ

В книге пермского поэта Федора Вострикова читатель погружается в мир Сельского быта и традиций, слышит родную чистую речь, не замутненную наслоениями и издержками бездуховности. И такой неподдельной искренностью дышат стихи, так чиста их внутренняя атмосфера, что почти физически чувствуешь боль, разрывающую душу:

Теперь не спрашивают: «Как живешь?»
Все чаще слышим: «Выживем ли, други?»
Мы, как деревни, тихо, ни за грош,
Уходим, не прощаясь, из округи.

Это о нашей страшной действительности, когда сиротеют не только деревни, но и кладбища:

И брошенное кладбище в поля
Кричит неслышно черными крестами.

Это ли не национальная трагедия? И на фоне умирающих сел вырисовываются конкретные судьбы земляков. В одной семье «война убила сыновей — род землепашеский убила», в другой дед Гаврила остался одиноким, «один, как перст, на всей Руси». Столь же одинокий дед Ефрем не мог уснуть, когда пурга ломала яблони в саду, и, увидев погибшие деревья, затосковал, «словно там, на второй мировой, потерял он последнего друга». Еще один зримый образ из стихотворения «Обелиск»:

И старушка сухонькая строго
Молвила, крестясь на обелиск:
«Ну, теперь спокойна, слава Богу,
Все в деревню детки собрались».

Сердце сжимается от этих слов, от материнской заботы о погибших сыновьях, своих и чужих. Какая глубокая мысль в основе этого почти хрестоматийного стихотворения: не в

чужих землях должны покоем к косточки погибших сыновей! И сколько возникает горестных дум, навеянных историей многострадальной России... С теплотой и нежностью показывает Федор Востриков своих стариков: бесконечно терпеливые, они верили, что детям достанется лучшая доля. Но вот вместе с ними уходит целая эпоха, прерывается землелепешеский род, поскольку сыновей убивала не только война, но и бестолковые политики. И старики на селе горько недоумевают: «Кому же хлебушко-то расти?» Образы крестьян, емкие и зримые, почти иконописные, не оставляют читателя равнодушным. Замираешь от нахлынувшего чувства поклонения этим людям, как святым. Да кто же и свят на Руси, как не та бабка, выцветшая от времени и скрипящая, как ветла:

Дай на мир взглянуть перед дорогой,
Целый век все мучили дела...

Оглянуться, осмыслить, как жил, достойно ли, по совести, и так же достойно уйти... Это один из неписанных законов народной нравственности, и поэт, как истинный россиянин, это остро чувствует. Отдельные приметы, наблюдения сливаются в единый космос русской духовности и осознание того, что грозное бытие природы и человека — едино. Умиравший в белой палате человек ждет не избавления от боли, а «ромашки просит, просит незабудки из дальних мест, где бегал босиком». И это не случайно, ибо «даже зверь зализывает раны в логове своем, а не чужом». Всю глубину переживаний Ф. Востриков выплескивает в стихах: изболевшуюся душу врачуют «сквозь метели огни деревень», и при любых невзгодах «невозможным светом полыхает Родины далекая звезда». И доколе жива память о тополях на дедовских могилах, не прервется связь поколений:

Оставляю я тебе в наследство
Святую дедовскую Русь...
...Она спасет и в тяжком горе,
Лишь ты се не подведи.

Таков завет сыну. Но не ослабевает тревога за судьбу России, за ее «доверчивых детей», за природу и поруганные храмы:

Когда стихия все-таки утихла,
Священник старый людям изрекал:

«Должно быть, в церковь заглянул антихрист —
Вот потому Господь негодовал».

Эти антихристы, поставившие страну на грань катастрофы, давно норовят растоптать русскую душу, традиции, песни. Но поэт убежден:

Мы будем жить, в беде страдая,
Вдыхать Отчизны горький дым,
Но колокольчик — дар Валдая —
Обезголосить не дадим.

Стихи Ф. Вострикова можно цитировать бесконечно, настолько они выразительны и афористичны. Но лучше читать их полностью, чтобы ощутить внутреннюю свободу, доверительные интонации, живой язык, житейскую мудрость. Истоки творчества поэта — в «заволжской степной стороне», мироощущение его формировалось в семье хлебороба-землепашца. И слава Богу, что обошел он стороной всяческую словесную эквилибристику и зыбкую трясику новомодных, а потому преходящих течений. Удалось ему избежать и злободневно-газетных приемов, лозунгов, патриотизма напоказ, ибо все это — лишь дешевое словотворчество, а суть поэзии — возвышение души, пробуждение тяги к прекрасному. У Федора есть символическое стихотворение о тропе, бегущей сквозь мрак и заросли:

Ее годами мнут и топчут.
Устала... В сторону б свернуть...
Но тем живет, что днем и ночью
К воде указывает путь.

Стихи Федора — та же тропа в добрый, светлый мир истинных человеческих ценностей. За годы мытарств он сумел не расплескать душу, сохранил глубинное родство с самосознанием народа, его мудростью и нравственными устоями, сохранил по-рубцовски «самую смертную связь» с родимой землей. И в жизни, и в стихах Федор Востриков — натура цельная. Никогда не был дельцом, приспособленцем, не ищет выгоды за счет других. Ему свойственна обостренная совесть. Поэтому токи высокого напряжения, пронизывающие его книгу, отзываются в читательских сердцах болью, пониманием, сочувствием. Есть в книге и жизнеописание при-

роды, и драматизм утраты близких, и пронзительные строки о любви, щемящая душу лирика. Но пусть читатели сами доставят себе радость их открытия.

**Валентина Телегина, поэт,
член Союза писателей России.**

---

* * *

Опять в заволжье сердце просится,
Да, видно, съездить не судьба.
Теперь хлеба у нас колосятся,
В лугах давно идет косьба.
Из родника все теми ж гуслими
Звенит по камешкам вода,
Мальчишки ловят в поле сусликов,
Как мы в прошедшие года.
Ветра, пропахшие ромашками,
Разводят сплетни в ивняке.
И тучки белыми барабанами
Пасутся в утренней реке.
На Карем пыльною дорогою
Чубатый Ванька-водовоз
Поет с душой про степь широкою,
Везя родник на сенокос.
Под вечер деда на завалинке
Толкуют снова о былом.
И песня русская про валенки
Девчат уводит за село.
И смех в степную даль уносится,
Луна глядит во все глаза...
Опять в заволжье сердце просится,
Зовет дорога на вокзал.

•   •   •

Конечно, я вернусь туда,
Где ветры властвуют на воле,
Где зелена, как будто поле,
От ряски в старицах вода.
И даль ночные росы пьет,
Храня покой и бесконечность.
Там род крестьянский мой извечно,
Как слово русское, живет.

З Е М Л Я

На все четыре стороны — поля.
И горизонт хлебами обозначен.
О, Родина моя,
                моя земля,
Любовь к тебе с годами не утрачу.
Я сам пахал
                и сеял зерна сам.
Прости за громкость, знаю цену хлебу.
Звучат во мне потомков голоса,
Как клятва, под твоим высоким небом.
И для меня — всем землям ты — Земля.
Зпавал с тобой и горе, и удачу.
С тобой всесильный и великий я,
А без тебя я ничего не значу.

* * *

Было горестно мне, было тяжело,
Но всегда врачевала земля.
Полной грудью вдыхая поля,
То к полыни я льнул, то к ромашке.
В сердце песня росинкой вольется,
Лишь ладонью колосьев коснусь.
Я над грустью своей рассмеюсь —
Светлой радостью грусть обернется!

* * *

Мы славяне и плотью, и кровью —
Дух оратая в каждом из нас.
Поле нас одарило любовью,
Светоносным сиянием глаз.
И дорогой широкой и узкой
Мы идем по середине полей —
От ромашки простой древнерусской
На земле беспокойной светлей!

* * *

Суховети обжигали,
Бил наотмашь буйный град,
Дико молнии летали,
Но я был безумно рад!
Как не радоваться, если
После длительных разлук
Развернулся русский песней
Предо мной родимый луг?!

.

.

●   *   *

«Ракетный век, а ты про поле.
Опять толчешь, как в ступе соль».
Но поле честь моя и воля,
Нужда и радость, свет и боль.
Но поле — пажити и небо,
Где птицы кружат и свистят...
Без пашни черной, корки хлеба
Ракеты в космос не взлетят!

Р О Д Н О Е

Ржаная даль, открытая ветрам.
Дороги разбегаются по воле.
Висит разноголосый птичий гам,
И суслики освистывают поле.
Прохладу в долах прячут ивняки,
Топыря неподатливые кроны.
Скрипят рыдванки. Едут мужики,
На копнах восседая, как на тронах.
Пред ними низко

ветер полевой

Склоняет тучные хлеба и травы.
В руках мужичьих мощь земли родной,
Судьба хлебов,
величие державы!

•

•

С Т А Р У Х А

Выцвела от времени старуха.
До рассвета мается, не спит.
Кашляя надсадливо и глухо,
У калитки, сгорбившись, сидит.
Что не спишь?

Какая жжет тревога?
Проскрипит старуха, как ветла:
«Дай на мир взглянуть перед
Целый век все мучили дела...» дорогой —

ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕКАБРЕЙ

Брату Владимиру

Позади шестьдесят декабрей,
Перекрученных зноем и вьюгой,
Где остались пруды пескарей
Да нужда под запечной дерюгой.
За окном горевой бубенец,
Степь в полынно-кочующем дыме,
Где остались и мать, и отец,
Словно весны, навек молодыми.
Как бы вьюги ни выли, скорбя,
Как бы в пропасть ни падали даты,
Степь и детство всегда для тебя,
Как молитвы Господни всесвяты.
Не забудешь избушки родной,
Что цвела керосиновым светом,
Из которой с годами с тобой
Подались в доктора и в поэты.
За спиною заволжье, Литва.
За спиною Днепровщина пела,
Пьедесталом прельщала Москва,
Но к Уралу душа прикипела.
На тропе многотрудной крутой
Жизнь корежила нас и косила.
Да Господь стороною родной
Нам вдыхал исцеленье и силы.
Как сумели, мы людям несли
Милосердное доброе слово,
Оживленное духом земли,
Незабытого отчего крова.
Дорогой мой и праведный брат,
Так помолимся русской равнине,
Что нам дарит рассвет и закат,
Что мы людям нужны и поныне.
Долго-долго живи не старей,
Помня мир под запечной дерюгой,
Где начало твоих декабрей,
Перекрученных зноем и вьюгой.

Т Е Т Я   М А Н Я

М. Д. Мартыновой

Где вьюги дерзкие шаманят,
И перелесок рвут ветра,
Живет, старея, тетя Маня,
Покойной матушки сестра.
Живет и в радости, и в боли
Среди соседей и внучат.
В душе ночами горькой долей
Года ушедшие звучат.
А было их, сердечных, много,
Протертых жмыхом и нуждой.
И безотцовщина—тревога
Кричала птицей над избой.
Но как поселок позабудешь,
В степи затерянный колхоз,
Где столько выстрадали люди,
Где столько выплакали слез?
Отец принес с гражданской раны,
От них и умер молодым.
И даль завесили бураны,
И счастье превратилось в дым.
Забот у матери хватало,
Да ты совсем еще мала.
Тебя сестренка пеленала —
Сестру ты нянею звала.
Она пиджак тебе купила,
Ах, как же радовалась ты!
И в школу долго в нем ходила
В пургу и в дождь за три версты.
Да натошак не до учебы,
К тому ж ни валенок, ни бот.
Округу путают сугробы,
Мороз, кряхтя, за сорок жмет.
На том и кончилось ученье —
По дому дел не перечесть.
Но все же главное мученье:
Всегда хотелось жутко есть.
Едва повыдохлись метели,
Как все в оттаявших степях
Ловили сусликов и ели,

Не доваривши второпях.
Ты в детстве детства не видала —
Хлеба под корень выжег зной.
А в юность гнулась и страдала
Священной смертною войной.
На тощем Карем, на Чалухе
По засугробленной дали
Подростки, дети и старухи
Зерно на станцию везли,
Везли для фронта, для победы,
А сами, ладно, как-нибудь.
Ни стар, ни мал — никто не ведал,
Дотянем ли в обратный путь?
В обозе мерзли, умирали
В тринадцать зим, в шестнадцать зим.
Как вы, такие же вставляли
На смену вам, на смену им.
На лошадях и на коровах,
Не зная отдыха и сна,
Пахали, сеяли — и снова
Запас грабастала война.
И в ночь, чтоб выжить, людям пряла
За корку хлебушка, за жмых.
Одной-то платы было мало,
А как делить на пятерых?
Пасла отару до пороши,
Пронзало тело сквозняком.
А ты в залатанных калошах,
И зачастую — босиком.
С тобой прошли по жизни длинной,
Хлебнувши горя заодно,
Сестра и мама Акулина,
И брат, которых нет давно.
Не огорчайся, тетя Маня...
Но ты на радость нам жива!
Дай Бог твоим воспоминаньям
Пребудет добрая молва.
Вещай о времени старинном
Среди завьюженных степей.
Вещай о няне Катерине,
О милой матушке моей.

Д Е Д

Денис Михайлович — мой дед.
За век познал немало бед:
Крещен японскою войной,
Контужен первой мировой.
На стыке взорванных эпох
Кормил в окопах вшей да блох.
Прошел и боль, и смерть, и страх.
Домой вернулся — грудь в крестах!
Пахал и жал, а труд любил.
Он раскулачен дважды был.
Хоть жизнь недоброю была —
Не затаил на сердце зла.
Лечился пляской под гармонь,
Частушкой знойной, как огонь.
И начинал опять с нуля.
Давала силушку земля.
Срубил избу среди степей.
И сад разбил. Поднял детей.
Когда от тяжких ран устал,
То внукам землю передал.
С тех пор промчалось много лет.
Лежит в степи мой древний дед.
Где был погост, где сад, изба —
Теперь ерошатся хлеба.
Из тьмы ромашкой, васильком,
Полынью горькой, колоском
Глядит, даруя людям свет,
Денис Михайлович — мой дед.

УШЕЛ СОЛДАТ

Ушел еще один солдат Войны великой.
Припала женщина к нему прискорбным ликом.
Слова, как стон. А стон пронзительней метели.
По-христиански в церкви праведно отпели.
Израненный войной, добитый жизнью дикой
Ушел еще один солдат Войны великой.
Ушел, чтоб рассказать родным однополчанам,
Как плачет Родина-страдалица ночами,
Не мог он жить, когда сдавили землю беды,
Когда развенчано величие Победы...

ФАТЬЯНОВСКИЕ ПЁСНИ

Памяти А. Фатьянова

На гулянье, в походе, на тризне
Русь Фатьянова песни поет.
Он, когда-то ушедший из жизни,
Как Есенин, в народе живет.
С детства выпеснил душу поэта
Вязниковский родной соловей.
Столько нежности, силы и света
В доверительной лире своей!
В ней простор и цветущие вишни,
И солдатская чарка, и дом.
Мы из песни фатьяновской вышли
И с фатьяновской песней уйдем.
Но потомки подхватят сначала
Освежающий душу мотив,
Будут петь от морского причала
До степных колющихся нив.
Не забыть ни вонтелей павших,
Ни крестящихся молний в ночи,
Ни горящие рощи и пашни,
Ни огарочек русской свечи.
Не коснется по градам и весям
Звонкой лиры худая молва.
Если живы Фатьянова песни —
Значит, будет Россия жива!

УГОЛОК РОССИИ

На куче мусора чугуны, лукошко,
Картуз висит сорокой на суку.
Поросшая травой, ныряет стежка
В расшитую кувшинками реку.
От зноя прочерневшие мостушки
Уже не ждут хозяйшечек с бельем.
В округе не осталось ни избышки —
Давно село во времени былом.
Ветра крылами прошуршат лениво —
И задохнутся в чутком камыше.
Слезу проронит плакальщица-ива,
И отзовется горестью в душе.
Вот-вот потонет в тучах купол синий,
Погост потонет в лапистых лесах...
Родной до боли уголок России
Спокойно умирает на глазах.

* * *

Теперь не спрашивают: «Как живешь?»
Все чаще слышим: «Выживем ли, други?»
Мы, как деревни, тихо, ни за грош
Уходим, не прощаясь, из округи.
Отечеству мы стали не нужны.
Дождемся ли, когда придет мессия?
И люди погибают без вины.
Да что же ты безмолвствуешь, Россия?!

•

Реку затягивает ряска,
А это значит — смерть реке.
Оденет быль седая сказка
И растворится вдалеке.
Травой долину взвихрят даты --
И не узнать сии места.
А что река была когда-то —
Ни вешки голой, ни креста.
Изыдь, придуманная сказка!
Но, к сожаленью, быль не врет:
Реку настойчивее ряска
За горло тощее берет.

УМИРАЮЩИЙ ПРУД

От ветра ветлы старые покорно
Сутулятся и стонут, как во сне.
Узлами перекрученными корни
Разбросаны по лысой плотине.
Качая нерасчесанною гривой,
Угрюмо распрямляются, с трудом.
Единственная чайка молчаливо
Скользит над умирающим прудом.
Сквозь разнотравье, тину и осоку
Уже почти не видится вода.
Монахиною цапля одиноко
Стоит среди зеленого пруда.
И ничего поделать невозможно,
Когда в очах высокий мир поблек.
И на душе мятущейся тревожно,
И пруд уходит, словно человек.

Лес порублен.
Вытравлены дали.
Обернулась реченька землей.
Пашнею погост окольцевали,
Как лохматой черною петлей.
Нету ни уюта, ни покоя.
Нету ни былинки у села.
Как же сердцу выдержать такое?
Хорошо, что мать не дожила,

В ИЗБЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ

Растаял лес вдали. Дорога
Уже ведет нас по селу.
Встречает бабка у порога —
И напрямком гостей к столу.
Любовно потчует грибами,
Картошкой, рыбой, молоком.
И промеж дел шуршит губами:
Мол, натолкуемся потом.
Наелись всласть. Потолковали
О том, как выйти из нужды,
Что люди бедные устали
От унижений и вражды.
В конце беседы бабка, охнув,
Сказала: «Господи, прости!
У власти что? Мозги усохли? —
Деревни вымерли почти.
Кому же хлебушко-то растить?..»
И спорить было не с руки.
Мы не политики, а гости
Да на полставки грибники.
А зйачит, мы, едва лишь ветер
Туманы сбросит с городьбы
И небо стежку чуть подсветит,
Пойдем в березник по грибы.
А ночью пусть приснится сказка,
В которой вечно гибнуть злу...
И стелют нам в избе крестьянской
Под образами,
на полу.

ПОД ЕЖОВСКИМ КУРГАНОМ

Михаилу Филипповичу Маликову

Под Ежовским курганом,
Где шумят ивняки,
Пили водку стаканом
Мужики-земляки.
Говорили о многом,
Уточнять не берусь.
Пили водку в тревоге
За великую Русь.
Подлецов проклинали
За разруху страны,
Что родимые дали
Довели до войны.
Юных воинов крушат,
А за что? — Не поймешь.
Наши русские души
Продают ни за грош.
Грабят подло и лихо
И бегут за бугор.
Где же праведный выход? —
Тонет в плаче простор...
Под Ежовским курганом,
Где шумят ивняки,
Пили водку стаканом
Мужики-земляки.
Ничего не забыли:
Ни веселья, ни бед.
Здесь полковники были,
И певец, и поэт.
От разбоя и мести,
Боже, нас упаси.
Но почаше бы вместе
Людям быть на Руси!

*

*

*

Виктору Маликову

Сквозь чужую границу продрался
И ступил на родимый порог.
Никогда с подлецами не знался —
Потому и Господь уберег.
Уберег для семьи и для внука,
Для ковыльно-полынной земли.
Чтобы внука ни злоба, ни мука
Тронуть в жизни вовек не смогли.
Уберег, чтобы не было крови —
Хватит нам и чеченской войны,
Хватит нам и могил в Приднестровье.
Ох, как Родине люди нужны!
Не дельцы, не торговцы, а люди —
Настоящие люди, как ты!
Те, что свято Отечество любят,
Помня русичей древних кресты.
Ты пронес непосильную ношу,
Если надо — еще пронеси.
Но прекрасного внука Алешу
Подними для великой Руси!

РУССКИЕ ПЕСНИ

Г. Родионову

Как песни русские ни хают,
Как ни хоронят, как ни быют —
Они из пепла возникают,
Они из бездны встают.
И кружат вольно и высоко,
Как жаворонки над травой,
А в них рябина и осока,
И шелест липы вековой.
А в них цветет в ромашках поле,
Шумят, не старясь, камыши.
И тяжелой долей, светлой долей
Твоей касаются души.
Мы будем жить, в беде страдая,
Вдыхать Отчизны горький дым,
Но колокольчик — дар Валдая —
Обезголосить не дадим.

По всей Руси был зной когда-то,
А нынче — стынут холода.
Летят стремительные даты —
От жизни прошлой ни следа.
Дожди, бродячие туманы,
Метелей рваные клубки.
В полях, как в стиранных карманах,
Угрюмо стонут сквозняки.
Остался зной в былом застое,
В коммунистической глуши.
Теперь вдохнуть бы каплю зноя
Для очищения души.

С Т И Х И Я

Грома по жести трактором катали —
Шарахались от страха ивняки,
И молнии вселенские летали,
Разделявая небо на куски.
Рвались по швам метущиеся кроны —
Наряды подвенечные берез.
Ревели ветры зверем разъяренным,
Из туч — потоки выстраданных слез.
Подхваченные взвихренным течением,
Плетни тонули в стонущем логоу.
Палящий крест на храме высоченном
Согнуло в золотистую дугу...
Когда стихия все-таки утихла,
Священник старый людям изрекал:
«Должно быть, в церковь заглянул антихрист —
Вот потому Господь негодовал».

НА КОЛВЕ

Месяц вяжет стежку в Колве —
Нить струится серебром.
А река тихонько молвит
Мне о времени былом.
Восстают перед очами
Шесть дороженек-дорог.
Голод путников качает,
Смерть до срока валит с ног.
А тайга глядит сурово —
Взгляд чернее, чем мазут.
По указу Годунова
В Нырб узника везут.
Стража царская звереет —
Матом полнятся леса.
Жаждут пленника скорее
Посадить на цепь, как пса.
Кандалы истерли тело,
Разрывает душу грусть:
Боже, сколь ты сиротела
От врагов придворных, Русь?..
Растворился месяц в туче,
Колва сгнула в ночи.
На высокой темной круче
Плачут странники-сычи.
Я сижу в тоске и боли
На дремучем берегу.
Из неволи и в неволю
Возвратиться не могу.
Сердце в страхе замирает,
Кандалы гремят во мгле
И по Чердынекому краю,
И по всей моей земле!

И мрак, и зло, и кровь рекой —
Земля стенает.
Романсом душу успокой,
Прошу, родная.
Двадцатый век перечеркни
Строкой крылатой.
И возврати былые дни,
Былые даты.
И в бездну ложь, и в бездну грусть —
Добра предвестье!
Во мне звенит золотая Русь
Искристой песней!
В упряжке тройка лошадей
Клубится вьюгой.
Среди заснеженных степей
Я слышу друга.
Его, взъерошенного, в дом
Приму, как брата.
Поладить проще с ямщиком,
Чем с демократом.

* * *

Мне б дорогу длинную, как Волга,
Длинную, как ноченьки в больнице.
По земле шагать чтоб долго-долго,
Росами России молодиться. ●
Родину любить не по подсказке —
С ней делить и горестные даты.
За добро платить добром и лаской,
Как меня учила мать когда-то.

·

Т Е Л Е Г Р А М М А

Из деревни пришла телеграмма,
С днем рожденья поздравила мама.
В доме сразу пахнуло полями,
Запашистыми пирогами.
Я услышал под шепот ветловый
Неторопкое мамино слово.
Говорила, как жили, как были,
Как войну и нужду победили.
А меня ни о чем не спросила.
Вьюжной полночью мама приснилась.
И меня до рассвета качала —
Сердце матери рядом стучало!

П И С Ь М О

«Куда забрался, надо ж, на Урал!
Дружище! — пишут мне односельчане, —
Подумай, возвращаться не пора ль,
Неужто по заволжью не скучаешь?
— Какой чудак, ну жил бы здесь да жил
И баянистом в Патровке работал,
С красавицей Анюткою дружил —
Не знал бы в жизни никакой заботы!
— Твои стихи читаем мы в «Степной» —
По нраву нам. Откуда и берется?
Но столько в них тревожного порой —
Тебе не сладко, видимо, живётся...»
Друзья мои, ну что ответить Вам?
Конечно, по заволжью я скучаю:
По долам травянистым и лугам,
Где ветер ивы светлые качает.
Бывало все в судьбинушке моей,
Тропу переметало стужей лютой.
Но да простят красавицы степей! —
Я встретил покрасивее Анюты.
Ах, если б в жизни я не знал забот,
То был на свете б самым несчастливым:
Я б не воспел ни землепашцев род,
Ни вечную сказительницу—иву.
Я низко кланяюсь, родные, Вам.
Благодарю тепло за приглашение.
Всегда я помню: Вы моим стихам
Судьбы начало, жизнь и продолженье!

ОМУТОК

Ручьи впадали в омуток,
Был омуток похож на бочку.
А из него один лишь тек
Ручьишка тоненький по кочкам.
Каким-то чудом сазаны,
Случалось, в омут попадали.
Пришли однажды пацаны
И сазана в нем увидали.
Тут разломилась тишина,
Тут началась такая давка!..
Но вот уж держит сазана
Ровесник мой — Гражданкин Славка.
Девчонки с гиканьем к нему,
А мы стояли виновато.
Я так завидовал ему,
Не я один, а все ребята...
Но листья осень ветром жгла,
Зима метелями блудила.
По свету нас тропа вела,
А детство в древность уходило.
Приехал я издалека
Местам родимым поклониться.
Но ни ручьев, ни омутка,
Ни детства — сказочной Жар-птицы.
Ивняк топорщится вдали,
Редее выцветшая травка...
И ноги сами понесли —
А как живет Гражданкин Славка?!

О, как спешил из самой дальней дали
В тот край, где я не веровал в беду,
Где мать пекла оладушки на сале
И яблони кудрявились в саду.
Меня, уставшего от люда злого,
Уставшего дорогами блукать,
Лечила мать святым и добрым словом,
Но слов таких в молитве не сыскать.
Над миром где-то буйствовали войны,
Плели доносы новые враги.
А здесь у мамы тихо и спокойно —
Кондовой Русью пахли пироги!
Я здесь у мамы силы набирался,
Полей и речек слушал плеск и шум.
Над завистью,
над злобой поднимался...

О, как спешил!
Теперь уж не спешу.

Куда спешить,
когда я даже гостем
Не притулюсь к родимому плетню.
И матушка давно уж на погосте,
И яблони засохли на корню.

С Н Е Г

С далеких зимушек поныне
Я вижу белый-белый снег
В тайге, в горах и на равнине
Среди качающихся вех.
И белый снег на иве каждой,
И в поле, где тропу торил.
А черный — видел лишь однажды,
Когда я маму хоронил...

ИЗБА

Памяти матери

Свистит пурга над ветхою трубою,
Горбатится от снега городьба.
Не назовешь теперь избу избою —
Да разве, мама, без тебя изба?
Не пахнет хлебом. Холодно и тихо.
Ни лампы керосиновой в ночи.
Не греет кости баба Кузнечиха,
Дерюгою прикрывшись, на печи.
В углу повыцвел Николай-угодник,
Что рисовал Колодин Геродот.
С тобою, мама, кажется, сегодня
Остановился востриковский род.
Хотя живут и правнуки, и внуки,
Хотя живут на свете сыновья.
Но как нужны твои родные

руки,

Но как нужна заботливость

твоя!

...Иду к тебе кладбищенской

тропою,

От кашки и шалфея даль светла.

Да разве назовешь избу избою

Без твоего сердечного тепла?..

С В Е Т

Памяти А. Н. Фоминой

Она была добро и свет,
Тянулись люди к свету.
Теперь ее на Свете нет —
На Свете света нету.
И в память выпито вино,
Но горе хмель не рушит.
В глазах от слов темным-темно,
И тонут в плаче души. •

Н. Кинёву

То пьём, то болеем,
                                то плачем
Над чьей-нибудь горькой судьбой.
Мы жить не умеем иначе.
И этим гордимся с тобой.
Мы были на свадьбе и тризне.
За хлеб — отдавали пальто.
Ну что наши краткие жизни
Для древней вселенной?

Ничто!

Признанья мои не бравада —
Несчастные жили б в тепле.
Да вечно державила правда
На вечной и доброй земле!

* * *

К земле привязан человек,
К ее равнинам и деревьям.
И так всю жизнь, и так весь век —
Одна изба, одна деревня.
За то хвала и честь ему —
Не изменил родным истокам.
Но жаль его мне потому,
Что он не жил в краю далеком.
Не жил, а значит, не поймет,
Представить даже не сумеет:
Как родина к себе зовет,
Как тяжело в разлуке с нею.

.

•

Со стоном свыклась тишина.
В палате дух карболки бродит.
Отец от влажного окна
Опять подолгу не отходит.
Что видит он? Больничный двор,
Березник чахлый посредине,
Дождем забрызганный забор,
Над ним полоску легкой сини?
Конечно, видит. Только вот
Намного глубже, ярче, боле:
И пруд, и стежку, что ведет
Его в колышущее поле,
Где налитые колоски
Поклоны бьют родному краю,
И, подбоченьясь, мужики
Страду, как завтрак, зачинают.
В осколки бьется тишина,
Степная даль душою водит...
Отец от влажного окна
Опять подолгу не отходит.

*

*

■

Колбасу, апельсины и соки
Мы приносим в больницу отцу.
Да не рад он продуктам высоким —
Я легко прочитал по лицу.
Лето целое адские боли,
Операции, стоны, наркоз.
И не зрил ни былинного поля,
Ни родного крыльца, ни берез,
Не желает ни персиков рыжих,
Ни других дефицитных даров.
А больному отцу, чтобы выжить,
Не хватало полынных ветров.

НА ПЕРЕВЯЗКЕ

Везу отца на перевязку,
Скрипит каталка, что крылец.
Как в детстве, я поверю в сказку,
Ежели выживет отец.
Бинты мочой и кровью дышат
И ночью тягостной и днем.
Я рад в одном: отец не слышит,
Что говорят врачи о нем.
А приговор у них жестокий,
Не знать его бы на веку:
В заволжский край, к родным истокам
Не возвратиться старику.
А я твержу ему: вернешься,
Бог даст, затянется рубец.
И с этой стонущею ношей
Ты все же справишься, отец.
И посуровей в жизни было,
Коли припомнить старину:
Судьба нуждой семью долбила,
Как дятел тощую сосну.
А что возьмешь в года сражений
Из бедной нищенской сумы?
Не избежал ты унижений
И незаслуженной тюрьмы.
А похоронная на брата,
И смерть сестры, и смерть жены?
За честный труд такая плата
Тебе, не знавшему вины.
Не обозлился, не сломался
В жестоком времени таком.
Среди людей ты оставался
Простым и добрым мужиком.
Отец и слушал и не слушал,
О чем-то мне шептал с трудом,
Как будто стягивали душу
Змеепетляющим бинтом.
И эту сдюжил перевязку —
То ль пот, то ль слезы по лицу.
Осталось мне поверить в сказку,
Чтоб выжить бедному отцу.

Т И Ш И Н А

Простыней, халатов белизна.
Шепчутся за столиком медсестры.
Полумрак. Лекарства запах острый.
Кажется, покой и тишина.
Но внезапно выплеснется крик,
Как из моря взбешенные воды:
В пятой задыхается старик,
Дайте поскорее кислорода!
Врач со смертью выиграл войну.
Вновь больные смолкли до побудки.
Не могу уснуть вторые сутки —
Я не верю в эту тишину!

* * *

Пока здоров и молод —
В сознание вечен век,
Как вечны зной и холод,
Как вечны дождь и снег.
Но вот беда придавит:
Отца схоронишь, мать,
По свету жизнь отправит
Скандалить и блукать.
Рассеется в тумане
Родительский порог.
Раз двести жизнь обманет
Среди чужих дорог.
Забыв молодые речи,
Усвоишь, наконец,
Что ты давно не вечен,
А вечен твой отец.

•

В дождь и в зной, в пургу и в слякоть
По ухабам я иду,
Чтоб развеять и оплакать
Незабытую беду.
С нею, словно Кормой хлеба,
С добрым человеком поделюсь.
Сразу станет чище небо,
На душе светлее грусть.
Вера в завтра сотворится,
Как в хорошие стихи.
Дай-то Бог, как говорится,
А пока — дела плохи.
По земле иду куда-то:
Рощи, степи, миражи...
Перепутываю даты,
Перепутываю жизнь.

•

ВЕТЛОВЫЙ ЗАТОН

Высоченные ветлы когда-то
Над рекой наклонялись, дыша.
Мы на лодке под кроной лохматой
Пробирались с тобой не спеша.
И глазами кувшинок и лилий
Нам вещала дорогу река.
Удивляясь, мы плыли и плыли.
Жизнь, казалось, как в детстве, легка.
В ложь и в горе поверишь едва ли,
Если небо и волны светлы.
А теперь затуманены дали —
Ни кувшинки кругом, ни ветлы.
Сотворилось не сразу такое,
Хоть в избытке и гроз, и ветров.
А когда в шелестящем покое
Поселилось семейство бобров.
Знает эту историю каждый,
Ибо людям она дорога.
Ветлы рухнули в речку однажды,
Побратав меж собой берега.
Затянуло корой и кугою,
Птицей брошен обжитый уют.
И реку с той поры не рекою,
А «Ветловым затоном» зовут.
Не проплыть по нему, не пробраться —
Загустела под ряской вода.
Здесь и в зной невозможно остаться —
В душу, ежась, ползут холода.
Ни косули, ни птичьего звона.
Как предчувствие новой беды,
Наплывают древесные стоны
Из глухой полумертвой воды.
Обступают крутые тревоги,
Забирая надолго в полон.
На сумбурной житейской дороге
Безысходный ветловый затон.

С К А З К А

Мальчонкой, кажется, я вовсе не был:
Не я кричал, балуясь, петухом,
Не бегал я за сусликами в степи,
На хворостинке не скакал верхом.
Не падал нагишом, как солнце, в реку,
Не обижал бахчевников седых.
И никогда не видывал от века:
Ни голода, ни боли, ни беды.
И ни в какой степи не знал деревню,
Где суховеем жито сожжено —
Про это мама все из сказки древней
Когда-то прочитала мне давно.
А если бы она не прочитала,
Пошел бы я по нивам и лесам,
И эту сказку на тропинке талой
Такую ж точно выдумал бы сам.

Б О Г А Т О Е

Ночь окутала Богатое.
От луны тропа бела.
Словно чудище рогатое,
Растопырилась ветла.
Рос увесистую чару
Пьет неспешно тишина.
Звезды сыплются в Самару,
Речку вызвездив до дна.
А кувшиночка дивится,
Вертит круглой головой.
Скоро в сказку превратится
Мир над сонною рекой.
Сом русалкой обернется,
По звезде махнув хвостом.
Небо вечное качнется
Под ракиновым кустом.
Вздрыгнет чудище рогатое,
Пустит птицу в вышину.
Богатеешь ты, Богатое,
В ночь на сказку на одну.
Хорошо, что мне не спится,
Что по берегу брожу.
Значит, сказку-небылицу
Землякам перескажу.

•

+   *   *

Клубники дочке наберу в лопух,
Забыв о всяких мелких невезеньях.
Под ноги лес положит мне тропу —
И в путь по «щучьему веленью».
Вблизи сушняк негромко прохрустит
Под быструю косулей тонконогой.
Стрекозами прошитый на пути
Заговорит чилижник по тревоге.
И шлепнет под корягой линь хвостом,
Как рыболов с досады удилищем.
И с птицами под ивовым кустом
Я щедро поделюсь остатком пищи.
Широколистой внемля тишине,
Спугну плутишку-зайца ненароком.
Лесному миру снова обо мне
Насплетничает глупая сорока,

Т Р О П А

Среди дубов, осин высоких,
Где мрак и птичья ворожба,
К реке, заросшею осокой,
Петляя, тянется тропа.
По ней проходят часто лоси,
Не прячась в рощу — на виду.
И косари по ней с покоса,
За день намаявшись, идут.
Ее годами мнут и топчут.
Устала... В сторону б свернуть...
Но тем живет, что днем и ночью
К воде указывает путь.

•

Л О С Ъ

На травянистый берег лось
Себя красиво, гордо вынес.
На шею солнце пролилось,
Коснувшись мокрых губ полынных.
И лось стоял — лесов краса —
Меня нисколько не боялся.
Он здесь в лесу — хозяин сам,
А я случайно оказался.

* * *

Ветер шустрый налетел
В березняк зеленый:
Травы в кольца завертел,
Перепутал кроны.
И упал в заросший пруд —
Вот и все творенье.
Как поэт, вершит он труд
Лишь по вдохновенью.

Камыши зашипели,
Вздулась рябью река.
Над рекой загустели,
Потемнев, облака.
Хлынул дождь отрешенно,
Словно душ по вискам.
Отхлестал лягушонка
По надутым щекам.
Дождь наставил пометы,
Как хозяин в дому,
Что природа за это
Благодарна ему!

Д Е Р Е В Н Я

Засудачили бабы в деревне.
Им бы новость какая была.
— Не слыхала ты нонче, Матвевна,
Ведь жена от Егора ушла.
— А к Михалычу утром приехал
Из далекой сторонушки зять:
Хилый, махонький, — ну и потеха,
Не дай Бог за такого отдать. —
У Левонтия Пашка удался —
За разбой прошел Магадан.
А теперь в демократы подался —
Бизнесменит по всем городам.
— Сваты сватали птичницеу Веру.
И она, как кума говорит,
Согласилась. А после, поверишь? —
Миловалась с другим до зари.
— Начудила Варюха Орлова —
Весть сорока вчера принесла —
Не закончился месяц медовый,
А тройняшек на днях родила.
— Разве раньше такое бывало? —
Вот, соседушка, жизнь пошла...
Обсудили и старых, и малых.
И события все, и дела.
Ах вы, бабы, к чему наговоры!
Будто нечем заняться другим.
Забываются сплетни не скоро.
Впору хоть из деревни беги...
Между прочим, судачьте, Матвевны,
Как в былые свои времена...
Я без вас не узнаю деревни,
И меня не узнает она.

ИВАН ТОНКИХ

Ивану Петровичу

Иван Тонких — веселый человек,
Влюбленный до безумия в природу.
Без провожатых, не приемля вех,
В поля идет в любую непогоду.
Однажды у него мечта была:
Сграбастать волка голыми руками.
Пораньше встал—и в путь. Метель мела,
Тропинки резво путая снегами.
Березовый овраг пред ним уже,
Где волка он выслеживал нередко.
И глянул вниз: — и жаром по душе! —
Увидел волка под искристой веткой.
Виденье это длилось час иль миг? —
Остановилось время. Вьюга смолкла.
Недолго думая, Иван Тонких
С могучей кручи прыгает на волка!
Но промахнулся. Рядом рухнул в снег,
В сугробе с головою закопался.
А волк-разбойник, видно, без помех
В березовую глушь ретировался.
Подумал, верно, что за чудеса!
По волчьим тропам хаживал от века,
Но никогда не зрил, чтоб небеса
Подбрасывали волку человека...
Из плена снежного на волю он
Похлеще Монте-Кристо выбирался.
Конечно, был премного удивлен,
Что нерешенным замысел остался.
Перекрестившись, глядя на овраг,
Побрел в раздумье грузными снегами:
«Ведь из ружья убьет любой дурак,
А вот попробуй голыми руками!»

Месяц высветил к речке дорожку,
Что лежит меж раскидистых ив.
Разворачивай, Коля, гармошку —
По душе твой лиричный мотив.
Мы не будем печалиться боле,
Пусть печалится кто-то другой.
Расскажи про заволжское поле,
Где в ромашках цветет травостой,
Да в зеленой оправе ветловой
В небо тычет антенны село.
А про женщин не надо ни слова —
Нам в любви никогда не везло.
Но зато сколько взвихренных свадеб
Отыграли, дружище, с тобой!
Под частушечный выплеск подладив,
Колокольчик плясал под дугой.
Молодые на тройке летели,
Целовались — сам черт им не брат!
Разрывались на ленты метели —
Разве был ты веселью не рад?!
Ах, конечно, был счастлив и весел,
На тальянке творя чудеса.
Задыхалась округа от песен,
Будоражило эхо леса.
Во хмелю хорохорился ветер...
Эх, да что, Николай, говорить?
Все же главное счастье на свете —
Людам добрые песни дарить!

Дом на слом.
Собрал хозяин вещи.
Стол, диван, что плесенью оброс,
Видно, чуть не прадедом завещан, —
И в квартиру новую повез.
Не забыл дырявую кепчонку,
Что валялась в доме не у дел.
Не забыл...
И только собачонку
Он с собою взять не захотел.
Разве мысли душу не терзали:
Что с ней будет, брошенной, потом?
А когда бульдозер подогнали,
Чтоб свалить ссугулившийся дом,
На крыльцо из кухни прокопченной,
Где теперь текло ее житье,
Выкатилась шустро собачонка,
Недовольство выразив свое.
Никогда так не было мне тяжело,
Хоть винили вовсе не меня...
На бульдозер гавкала дворняжка,
Преданность в хозяина храня.

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

У колодца журавль все глядит в облака.
Над землею подняться мечтает века.
Видит он: журавли улетают на юг.
Вытянет шею, качнется — а вдруг?
Улетел бы — ночами вокруг никого.
Улетел бы — да цепь не пускает его.

Сентябрь. А знойно, как в июле,
Под тридцать градусов в тени.
Деревья кроны развернули,
Облокотившись на плетни.
И птицы трели рассыпают,
Не собираются в отлет.
А небосвод, не уставая,
Голубизну на землю льет.
Ветра реку волной листая,
Братают лихо камыши.
И песни лета рвутся стаей
Из поэтической души!

По Круче корни, словно раки,
Ползут к реке из-под ветлы.
Как восклицательные знаки,
Деревьев голые стволы.
Большими точками чернеют
Среди листов гнилые пни.
Наверно, скоро заболеют
Дождями затяжными дни.
Пока в природе нет смятенья...
Я описал осенний день.
Пускай теперь за мелкотемье
Меня стригут, кому не лень.

В лесу не видно осени —
От зелени светло.
И липоньки, и сосенки
Приветствуют тепло.
Приветствуют с поклонами,
Мол, что же ты, вступи,
Входи в шатры зеленые,
Красавицу веди!
И я веду красавицу
Далёко-далеко.
И лес поет нам здравицу,
И на сердце легко!

* * *

Сентябрем леса пометил
Золотой последний луч.
Разбросал по небу ветер
Ключья плавающих туч.
Синева смиренно, кротко —
Как-никак у туч в плену —
Смотрит, как через решетку,
Припечатавшись к окну.

* * *

Сентябрь жарою одарял,
А тут дожди, ветра да тучи.
И листья тополь растерял,
Черней над речкой стали кручи.
Подолгу душу берedit
Печальной птицы крик летящий.
И в ночь, как ветер загудит,
О жизни думается чаще.

Сыро, холодно в лесу.
Меж деревьев сквозняки.
Тучи плачут на весу,
Облетают ивняки.
Прибывает листья дождь
Крепко-накрепко к земле.
В дрожь кусты и люди в дрожь —
Быль померкла о тепле.
Ах, о чем жалеть теперь?
Душу, лес, не бери.
Столько ведал я потерь,
Столько будет впереди!
Путь по жизни мой не прост:
Горе — годы, счастье — миг.
Чаще тянет на погост,
Реже к другу на пикник.
И не сетую о том,
Не молю иной судьбы.
Дремлют предки под крестом
Из моей родной избы.
За вину и боль — плачу...
Сыро, холодно в лесу.
Как заветную свечу,
Осень в дом к себе несу.

•

И в лето дожди, и в осень —
Земля, как трясина, сплошь.
Почти на корню колосья
Загублены ни за грош.
И сгнили в копешках травы,
Как страдная тьма хлопот.
Неправых здесь нет и правых —
Стихию наслал Господь.
Колотит она по стеклам,
Трубит над землей родной.
От горя душа промокла —
Едва ли поможет зной.

Дожди затяжные смолкли под утро.
Прорезалось солнце. Стало светлей.
Пошел по худым лесам рыжекудым
Один из последних солнечных дней.
Не в силах ему повысушить лужи,
Не в силах ему леса оживить.
Чем дальше тропа, тем глуше да уже,
Потом оборвется тонкая нить.
И солнечный день в лесу растворится,
С листвой и землею не разделим.
Под солнцем летают тревожные птицы —
До лучших времен прощаются с ним.
Прощаюсь и я. Надолго ль? Не знаю.
Бог даст доживу еще до тепла.
А все ж хорошо, что осень золотая
Дождям передышку нынче дала!

* * *

Раздвинув сети тонких веток,
Вошла зима в мое село.
Взлетел над крышей коршун-ветер —
Округу снегом замело.
И люди словно просветлели,
Дела решили отложить —
Встречают зиму... А метелям
Шесть с лишним месяцев кружить.

* * *

Заморожены лужи,
Снег скрипит под ногой.
Приготовился к стуже
Березняк над рекой.
Вместо листьев набросил
На верхушку сугроб.
Тихо обезголосел,
Нету рядышком троп.
Только ветер под кручей
Вяжет травы узлом,
Да качается тучей
Дым печной над селом.
И возносятся споро
На свету и во тьме
Дров скрипучие горы,
Словно вызов зиме.

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Белеет снег среди кустов и кочек.
Без кроны ветлы кажутся длинней.
Не до меня сороке, не стрекочет —
Дела, похоже, есть и поважней,
Но рядом, не пугаясь, опустилась,
Где я стоял у выцветшего пня.
На бревнышко сухое примостилась,
Стекляшки глаз впечатала в меня.
О чем же ты раздумываешь, птица?
Сорочьей недовольная судьбой?
Иль радостью ты хочешь поделиться,
Иль давней затянувшейся бедой?
Твою беду возьму с собой до кучи,
Чему уж быть — того не миновать.
Но радость вот оставь себе на случай —
Тебе еще, сорока, зимовать.
А лес дрожал, метелями разбужен,
Возились меж деревьев сквозняки.
Стеклил мороз в логах озябших лужи
И холодом дышали сосняки.
Глухая пропасть времени до мая!
И о тепле скорблю как никогда.
Сорока, милая, тебя я понимаю —
Людей и птиц сближают холода.

* * *

На заросшие бором сопки,
На домишки у спящих рек
Величаво и неторопко
Забайкальский ложится снег.
Поднебесье с землей смешалось,
Что дорогу найдешь едва ль.
Вдруг стремительно задышала
Диким холодом в душу даль.
Провалился я в белый омут,
Жажду выбраться — не могу!
Придавила тоска по дому,
По семейному очагу.

Г У Д А

Шумит меж сопок снеговых,
Меж сел и сосен вековых
И своенравна, и горда
Река таежная Гуда:
О скалы волны в клочья бьет,
Медведем раненым ревет.
Но, не сбавляя резкий бег,
Летит вперед из века в век.
Куда торопишься, куда,
Река таежная Гуда?
И лишь, как гром, через тайгу
В ответ прокатит: гу да гу.
И долго гул висит вдали...
Реку Гудую нарекли!

Небо тучами заволокло.
Рвет сквозняк придорожные елки.
Бьют снега в смотровое стекло —
Не видать на пригорке поселка.
Ах, туда ли свернул ты, шофер, —
Надо б ехать, наверно, правее.
Где же путь? Зачеркнула простор
Несговорчивая снеговья.
Целый день не идет в угомон,
А лютует гуляка, лютует.
Мысли мрачные гоним мы вон —
Пробираемся к дому вслепую.
Буксовали. Сугробы вокруг.
Проползали по краешку лога.
Две старушки крестились и вслух
Все просили о помощи Бога.
Не забыть мне тот путь до сих пор.
Добрались мы в родную обитель.
Вслед старушкам смеялся шофер —
Бог земной наш
и наш исцелитель.

Как старик под чужим коромыслом,
Гнется клен от снегов. Тишина.
Всполошила квартиру луна —
Над окном, словно люстра, повисла.
Очень близким и очень далеким
Разгорается светом луна,
Так что рядом деревня видна
Сквозь пути у ветлы одинокой.
В душу песни забытые льются.
Ах, луна, лишь не прячься — свети!
Столько надо мне за ночь пройти,
Чтоб домой на рассвете вернуться!

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Украшена ёлка на диво.
Веселым огнем залита.
Кокетливей стала, игривей
Лесная ее красота.
Семья в настроении отличном
Извечный ведет хоровод.
А завтра — всегда, как обычно,
Непраздничный день подойдет.
Хозяин сухие иголки
Старательно с пола смахнет.
А ночью красавицу ёлку
В сугроб полусонный воткнет.
Приснится ей ельник лохматый
Среди беззащитных лесов...
Хозяин молчком виновато
Задвинет за ёлкой засов.

Надвинув шапки соболиные
До промороженных окон,
Дома, как русичи былинные,
Погружены в глубокий сон.
А ночь январская, как мачеха:
Долга, сварлива, холодна.
Одно по нраву, не иначе, ей,
Как вьюгой путать времена.
Вспылит, вскружит — сама забудется.
На то пурга, на то зима.
И не понять, когда ж пробудятся
От сна глубокого дома?

•

Ш У М И Х А

Снежные холмы да сосняки
Обступают древнюю Шумиху.
А в деревне солнечно и тихо
Громкому названью вопреки.
Как никто с рассвета не вставал —
Никакой на улице мороки.
Неуютно. Даже одиноко.
Кто ж ее Шумихою назвал?
За какие тайные грехи,
За какие вольности такие?..
Тишина несет недорогие
Умиротворенные стихи.
Спору со стихами, с тишиной.
Верю, что не зря зовут Шумихой.
Разве не бывает в селах тихо
Перед свадьбою очередной?!

•

•   •   •

Ты в восьмом, а я в девятом.
Да и рядышком дома.
Лихо крутит снег, как даты,
Крепкогрудая зима.
Без ножа пластает, режет,
Жжет серебряным огнем.
Разве нас пурга удержит,
Если мы свиданья ждем?
Если Витька, твой посыльный,
У моих уже ворот —
То и холод самый сильный
Путь к тебе не зачеркнет.
Я лечу быстрее метели
Мимо Якова плетня,
Мимо тополя-кудели —
Нет счастливее меня!
Потому что я не знаю
И не ведаю пока,
Что она, моя родная,
Будет скоро далека!

•

*   *   *

Ничего я не забыл —
Свято помню, как любил.
И в мороз крутой и крепкий,
Высоко залысив кепку,
На свиданье приходил.
Наплевать, что сквозняки
Мечут снег на ивняки.
Наплевать, что звезд не видно,
Что старухам любопытным
Попаду на языки!
Нам подарок на двоих:
Степь и даль, любовь и стих.
Ночь искристая, как снится, —
Поцелуями клубится
Каждый час и каждый миг!
От стихов и жарких слов
Таает вечный мир снегов.
В ласках были мы не строги,
Но честны, чисты, как Боги, —
Не впадали в топь грехов.
И потом, когда вдали
Нас дороги развели,
Я жалел. И ты жалела,
Что когда-то так несмело
Поступить в любви могли.
Мне везло и не везло.
Я прошел и ложь, и зло.
Время бешено летело,
Но твое тугое тело
Жизнь мою насквозь прожгло.

Валентине

Ты пришла из юности ко мне,
Где с тобою даже и в метели,
Не позабывая о весне,
Зноем души чувственные грели.
Мимо нас летели февраль,
Горевые песни голосили.
Мимо нас летели журавли,
В неизвестность юность уносили.
Над степями ветер отыграл,
Потонула молодость в тумане.
Я с другой уехал на Урал,
Оказалась ты в Таджикистане.
Нет возврата прошлому, увы!
Глуше даль. Крутые выюги тише.
И встают ромашки из травы
Для других девчонок и мальчишек.
А для нас — глубокие снега.
Но и все ж не плачу над судьбою:
Юность мне до боли дорога —
Потому что ты была со мною!

Я шел к тебе, минуя перевалы,
Грохочущие реки и лога.
Пути перекрывали ветровалы,
Переметали грузные снега.
Я шел к тебе таежной глухоманью,
Терял тропу и снова находил.
Я жаждал встреч, а вышло расставанье —
Другой меня в пути опередил!

Чего страдал, чего добился?
Наверно, я в любви не спец.
Любил тебя, а друг женился —
И вот любви моей конец.
Дарил тебе из ягод бусы
И дальний путь, что в душу лег.
И степь дарил в ромашках русских,
А он игрушками завлек.
Мне одному пришлось остаться.
Зови бывшее не зови.
Спасибо, друг, что разобраться
Помог мне вовремя в любви.

По-иному страдал и любил,
По-иному, увы, чем другие.
Ты забыла, а я не забыл —
До сих пор по тебе ностальгия.
Тридцать звонких апрелей не в счет,
Тридцать зим забураненных — тоже!
Вижу брови, как стежки, вразлет,
И веснушки над таинством стежек.
Я тянусь к безответной любви
Сквозь молитвы, забвенья и муки.
Но бывшее зови не зови —
Потонуло в дремучей разлуке.
Душу гложет глубокая грусть —
Грусть-тоску и вино не излечит.
Я тебя, коль признаться, боюсь
Развенчать запоздалою встречей.
Скоро сгину, как листья с крыльца,
В ночь извечную далью безлунной.
Оставайся во мне до конца
Непорочной, весенней и юной.

.

Была любима мной когда-то,
Любима мной и до сих пор.
С уходом лет не помню даты,
Когда меж нами вырос бор.
С другим вы свадьбу отыграли,
Из сердца вытравив меня.
Я покатил в иные дали,
Не зная в жизни горше дня.
Но вас не предал и в изгнание,
Веснушек милых не забыл.
Что делать, ежели избранник
Для вас божественнее был?
Альбом студенческий листая,
Я убеждался в том не раз...
Пусть ни тропа, ни волчья стая
Не разведут по жизни вас.
Чтоб в день погожий и ненастный
Был свят родительский пирог.
Храни вас Бог от всех напастей,
От злых людей храни вас Бог!

.

* * *

•

А. Нестеровой

Дарю тебе уральскую весну
В черемуховых далях светоносных,
Озер небесную голубизну,
Зеленые долины в травах росных.
Дарю и лето с хлопотной страдой,
Озвученное добрыми хлебами.
И зимушку с допушкинской пургой,
С летящими над крышами дымами.
Одну лишь осень не дарю тебе,
Не потому, что осень миновала.
О, сколько осеней в твоей судьбе
В года потерь уже перебывало!

* * *

Несравненная женщина, здравствуй,
Принимай мой низжайший поклон!
Надо мною и шефствуй, и властвуй,
И бери в первобытный полон.
Я скитался по стойбищам рыжим
Под летящие стрелы дождей.
Да не знаю,

не знаю, как выжил

Без манящей улыбки твоей.
В нелюдимом краю и людимом
Не нашел свой страдальческий дом.
Хочешь — буду твоим господином,
Хочешь — буду послушным рабом?
Будем жить у родного причала,
Крепко связаны общей судьбой.
Дай-то Бог, если так. Но сначала
Ты позволь надышаться тобой!

*   *   *

Затеряюсь на время в лесу
Меж берез тонкоствольных кудрявых.
Ветер вздрогнет — и, как на весу,
Закачаются ландыши в травах.
И забьется бывшее во мне,
Поплывет, не спеша, облаками.
И не слышу ни птиц в вышине,
Ни весенние хлопоты Камы.
Только слышу гармонь на селе,
Рассыпают частушки девчата.
Снова месяц на старой ветле
Золотые рога отпечатал.
Уж не я ли стою в стороне,
Не осмелясь промолвить ни слова?
А девчонка, что снится во сне,
В степь уходит с Володькой Орловым.
В степь ушла — и зови не зови.
Я один на родном перекрестке.
Что тогда понимали в любви
Мы, не знавшие жизни, подростки?
Разлетелись потом, кто куда.
Я теперь ни о чем не жалею.
Но летят, как мгновенья, года.
И ни разу не встретился с нею.
Где ж ты радость и счастье нашла?
Знаешь ли — звонких лет хохотушка —
Ты березкой во мне проросла,
Что стоит, шелестя, на опушке?!

*   *   *

Далеко за синими лесами,
Где ветра колышат в поле рожь
И озера шепчут с камышами,
Ты с дочуркой крохотной живешь.
Ни в стихах, ни в письмах не опишешь,
Как без вас, родные, тяжело.
И в минуты грустного затишья
Снова вспоминается село.
Легкая калитка нараспашку,
Полисадник звездами расшит.
Слышу, как проказница Наташка
На твоих коленях верещит.
Не влекут дочурку погремушки,
Ни шары в сиреневом цвету —
И с дивана падают игрушки
В лапы к желтохвостому коту.
И сама, хоть с куколку-матрешку, —
Под напевы мамыны: ля-ля
Крутит лихо пухленькой ладошкой,
Бабушку и деда веселя.
А глаза прозрачные такие,
Словно две ромашки полевой.
Бантик, что повязан не впервые, —
Бабочкой парит над головой.
До чего ж так весело смеется, —
Что звенит в смешинках оком,
Что ручьем весенним отдается
В сердце растревоженном моем!

С Ы Н

Дождит. И прохладно с утра.
О, как я в роддом торопился!
И вот наконец медсестра
Сказала, что мальчик родился!
Неужто ночная мольба
Услышена вечной природой?
Мой сын, я дождался тебя,
Тебя — продолжателя рода!
И в сердце пахнуло весной.
Подхваченный, словно ветрами,
Лечу на почтамт, как шальной,
Отбить старикам телеграмму.
По всем адресам я звоню:
Соседям, родным и знакомым.
И кланяюсь майскому дню
Среди белопенных черемух.
Читаю стихи. А потом...
О чем ты, душа, загрустила? —
Я снова шагаю в роддом:
А вдруг медсестра подшутила?

ПОДСНЕЖНИК

Дымит деревня у пруда,
Торчат антеннами скворешни.
Что сеет дождик — не беда!
Раздвигает небо ветер вешний.
И солнце выплеснет тепло,
И разыграются росины,
И станет в мире так светло! —
С березой спутаешь осину.
И поверну торопко я,
От солнца шурясь, в лес прибрежный.
Там для тебя, любовь моя,
Поднялся тоненький подснежник.

Зеленый луг. Зеленая долина.
Гудят шмели, развенчивая тишь.
Прикрылась тучкой красная калина,
А ты в траве цветастой спишь.
И, слушая ромашковые песни,
Заворожен стою, не шелохнусь.
Я уношусь в далекое безвестье,
Где сам волшебником зовусь.
Ты крепко спи, единственная радость.
Летают птицы. Что им не летать?
А я тихонько в изголовье сяду,
И буду сны твои читать.

На юг ты едешь, я на север.
На запад ты, я на восток.
Едва ль узришь, как хлеб отсеят,
И отлетит с ветлы листок.
И не заметишь обмолота,
Как проржавеют зелены.
Во всем виним свою работу,
А сами без нее ни дня.
Но в одиночку боль и скуку
Трудней убить наверняка.
Вот так живем года в разлуке,
Как будто жизнь не коротка.

Стужа. Темь кромешная в ночи.
Ветры голосят — мороз по коже.
Слышишь? Ради Бога, не молчи,
За тебя, любимая, тревожусь.
Было трудно. Было. Что ж теперь
На распутье нашем бесконечном?
Жизнь моя, не хватит ли потерь
Нас в пути преследуемых вечно?
Мне не надо счастья через край —
Отведи беду лишь от любимой.
А со мной как хочешь поступай,
Будто я тобою неранимый.

Я Р О С Л А В А

Ярославе Сафоновой

Зацвели проталинами дали,
Залила полгоризонта синь...
Ярославой девочку назвали,
Так издревле звали на Руси.
Ярослава, Славушка родная,
Нет на свете имени светлей.
Родина склонилась, напевая,
Над кроваткой крохотной твоей.
Песнею баюкает и лаской,
Чтобы ты счастливою росла:
Верила в бессмертье русской сказки
И не знала горести и зла.
Грядет день двухтысячного года,
Всполошит черемуха сады.
У ветлы из дальнего похода
Встретишь князя, радостная, ты.
Встретишь князя — искренне полюбишь
Под ночную россыпь соловья.
Грядет день — и князя приголубишь,
Как славянка древняя твоя.
Станут вам дороже и дубравы,
И луга, и реки, и цветы.
Ведь не зря в российских Ярославах
Испокон славянские черты!
Для любви, для верности, для славы
Это имя с гордостью неси,
Чтобы вечно жили Ярославы
На великой праведной Руси!

Т У Ч И

Отдали тучи Матери-земле
Свои запасы дождевые,
И потянулись чуть живые
К раскидистой взъерошенной ветле.
Развесились в зеленой тишине,
Качая мглистыми кудрями.
Одежду вешними ветрами,
Как молодухи, сушат на плетне!

*   *   *

А дождь прекратился, но с кручи
Все падал ручей между скал.
Проглянуло солнце из тучи —
И мир серебром засверкал.
Земля задышала ветрами,
И паром завесила луг.
Но слышно, как почву буравят
Ростки молодые вокруг.

Расцвечена старица ряской,
Ерошит ольха берега.
Лягушки спуют без опаски —
Под берегом ходит куга.
Отдавшись забвенью лесному,
Почувствуешь в сердце печаль:
По сказке здесь быть водяному,
Но сказкам не время. А жаль...

Захлебнулись птичьи голоса.
Молнии пластают небеса.
Ливни заколачивают дом —
Душу выворачивает гром.
В полутьме пустой и здесь, и там
Страхи копошатся по углам.
Будто жизнь по Гоголю в доме —
Жутко оставаться одному!

С Т А Р И Ц А

Ветлы веником солнечным парятся,
Разомлев от июльской жары.
Камышом подпоясавшись, Старица
Не сдается жаре до поры.
Цапля тонкая медленно шествует,
Недовольная солнечным днем.
Караси и лягушки блаженствуют
В тихом царстве подводном своем.
Друг за дружкой нехотя тянутся —
Знают, цапле в жару не до них.
Если Старица солнцу приглянется,
Что с ней будет в тот горестный миг?
Может, также, как ветлы, пропарится
И камыш перемелет в труху? —
Наяву незаметная Старица,
Закипев, превратится в уху!

3. Н. Байшевой

Небосвод из дождинок сѳткан
На исходе июльского дня.
Зинаида Никитична, доктор,
Исцелите скорее меня.
Мне подолгу болеть не пристало.
Скоро август, шагнув на порог,
Распахнет предо мною удало,
Словно скатерть, одну из дорог.
Я бывал и в тайге,

и на море,
На куличках у черта бывал.
И не только наветы и горе —
Про болезни в пути забывал.
Я годами не знал постоянства,
А теперь вот —

больничный покой.

Доктор, доктор,
любые лекарства
Заменить бы водою живой!
Окропить бы уставшую душу,
Чтоб меня позабыла беда.
А больничный режим не нарушу.
Может в праздник — и то иногда.
Исцелите.

И дайте советы —
В жизни столько несделанных дел!
Главный вечер с любимой не встретил.
Главный стих написать не успел,

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

I

Уезжал из провинции в город.
Жить решил от дома вдали.
Поклонился степному простору,
Как старик-хлебороб, до земли,
Что кормил — пусть не досыта, — хлебом.
В этом разве повинна страна,
Если дымом пропахшее небо
Дни и ночи пластала война?
Если даль в лихолетие выжег
Суховеями хлесткими зной?..
Поклонился, что все-таки выжил,
Хоть качалась земля подо мной.
За себя и за воинов павших
В круговерти великой войны
На луга, свинофермы и пашни
Выходили мои пацаны.
Подставляли худющие плечи
Под гробы,
  под столбы,
  под мешки..
Уезжал. Мне кивали: До встречи!
И желали удач земляки.
Мать клонилась к земле, причитая.
Осеняла на счастье крестом...
Долго-долго в рябиновом крае
Будет сниться
  родительский дом.

II

Фатеев дол. Дымит село. Я дома.
Приветствую тебя, мой край родной!
В степи лежит пшеничная солома,
Подсвечивая дали желтизной.
А рядом речка медленно и тихо
Ворочается в голых ивняках.
Другое детство весело и лихо
По ней помчится скоро на коньках.
К тебе, речушка, я ли не причастен,
Или, поля редеющие, к вам,
По горизонт распахнутые настезь
Дождям и солнцу, тропам и ветрам.
Не здесь ли пас коров и кашеварил
С былыми косарями под копной,
За сусликами бегал и на Карем
Легко трусил вечернею стерней.
И в старице, пиявками прошитой,
В воде по пояс жал камыш серпом,
А в поле после обмолота жита
Валился наземь скошенным снопом.
Такое позабудется едва ли,
Когда глаза, как в дождик небеса,
Когда звучат, не умолкая, дали,
Как незабвенных предков голоса.
И ветры в огороде копошатся,
И тянутся под солнце тополя.
Твоим простором дай мне надышаться,
Родная сердцу матушка-земля!

III

Старый дом.
Давно забиты ставни.
Но в дорогах помнил я о нем.
Тополя листвою неустанно
День и ночь звенели под окном.
И скворцы скворечник обживали,
Что висел над крышей высоко...
Здравствуй, дом!
И к двери, как бывало,
Зашагал я молодо, легко.
И знакомо скрипнули ступени.
Вспомнились мальчишеские дни...
Рядышком с картинками на стенах
В рамке фотографии родни.
Мать на кухне крутит сепаратор.
Ух, как пахнет свежим молоком!
И сидим мы — все четыре брата —
На печи под самым потолком.
Раздеремся.
Вечер длинный-длинный.
И не раз, бывает, зареву.
И тогда над бабка Акулина
Усмиряет всех по старшинству.
Никуда отсюда мне не деться,
Хоть помянут дальние края.
Здесь мое хозяйничает детство.
Здесь мой дом, здесь родина моя!

ЗДРАВСТВУЙ, ПАТРОВКА!

Здравствуй, Патровка!
Здравствуй, село,
Где мне было легко и светло,
Где чудачилось мне и любилось.
Много времени вдаль утекло,
Но я рад — ничего не забылось.
Не беда, что изба снесена,
Что без голоса наша весна.
Но я слышу под звон соловьиный,
Как ветлу обнимает луна,
Как бунтуют хлебами равнины.
И, конечно, в душе до сих пор
Нестареющий патровский хор.
В нем и Волга в бичующем стане,
И России былинный простор
В колокольчиковом перезвоне.
Слышу снова, как Саблин поет,
По-шаляпински музыку льет.
С подголоском лихим, шутки ради,
Жаворонками рвутся в полет
Прибауточки Щекиной Нади.
Ах, душа моя, плачь и радей
Посредине широких степей,
Что и весело мне, и тревожно.
Столько здесь дорогих мне людей!
Не сочтешь — сосчитать невозможно.
Здравствуй, Патровка! Здравствуй, село,
Где мне было легко и светло,
Где чудачилось мне и любилось.
Много времени вдаль утекло,
Но я рад — ничего не забылось.

Мне в спину солнце, ветер — в грудь.
Над головой леса клубятся.
Иду в хлеба, чтоб затеряться
И позабыть обратный путь.
Я слишком долго жил не там,
С людьми не с теми пил и знался.
Под звуки медленного вальса
Я припадал не к тем перстам.
А век — безжалостен и строг —
Летит вперед. — не оглянуться.
И дни, как в осень листья, рвутся,
А время подводить итог.
Не обернись, тропа, петлей,
Не задохнись до срока, птица.
Успеть бы только повиниться
Перед отцовскою землей.

.

По левую сторону — поле,
По правую сторону — лес.
И всюду зеленая воля,
Зовущая в бездну чудес.
Где каждый прохожий свободен,
Как ветер летящий вдали,
Пропахший в размахе угодий
Величьем и славой былин,
Отринув недуги и горе,
А с ними вселенскую грусть,
Впадаю, как реченька в море,
В мою первозданную Русь.
Я молод, бессмертен и волен,
Пока восстают до небес
По левую сторону — поле,
По правую сторону — лес!

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Боже мой, по траве я иду!
Даже как-то не очень и верится.
И село, и река — на виду.
И равнина ромашками светится.
Ах, земля, если можешь, прости,
Что такая уж выпала доля нам:
Все в дороге живем, все в пути.
Но тобой рождены мы и вскормлены.
Мы не смеем о том забывать,
Хоть с какими ни будем замашками.
Ведь навечно в тебе нам лежать,
Прорасти и светиться ромашками.

У Е З Ж А Ю

Далеко уезжаю. Надолго.
А вернусь ли обратно? Как знать.
Остаются и поле, и Волга,
И погост, где прописана мать.
И взъерошенный тополь-кудесник
Со скрипучей клюкой у плетня.
Остаются полынные песни,
Что баюкали в горе меня.
Остаются летящие тропы
И предутренний всхлип камыша.
Неужели провалится в пропасть
Все, чем жил, чем любил и дышал?
Я реальности жизни разрушу,
На гудящих ветрах устою:
Уезжаю надолго, а душу
Оставляю в родимом краю.

Жизнь прошла в заботе и в тревоге.
Хоть претензий вроде бы и нет,
А назад оглянешься: ей-богу,
Чаще тьма завешивала свет.
Не сберег кота и попугая,
Друга от гульбы не уберег.
Женщину, мной выбранную, — каюсь,
Осчастливить все-таки не смог.
Дети есть. А дома не построил —
Самый главный, стало быть, упрек.
И в моей поэзии, не скрою,
Проступает горе между строк.
Я об этом думать не устану,
Хоть ступлю на смертную межу.
Как же я пред Господом предстану,
Что ему, Всевышнему, скажу?..

Не помогали молодцы лихие,
Деньжистый дядя на буксир не брал.
В поэзию, в словесную стихию,
Я сам себе дорогу прорубал.
Сшибал колени и кровавил душу —
Буянилась и крепла голова.
Ночами классиков читал и слушал,
Как прорастают нужные слова.
Тянулся к людям — отклнкались люди.
Истории учился по крестам.
А кто чего достиг — Господь рассудит,
Расставит по заслуженным местам.

*   *   *

Пошли вы к черту, недруги мои,
Не собираюсь с вами я брататься.
Веду и вел пожизненно бой,
Хотя устал от вас обороняться.
Уйду в затишье, в дальние леса,
Где нет ни подхалимов, ни злодеев,
Где прочищают птицы голоса
Под небылицы добрых Берендеев.
Наедине останусь — сам с собой.
Не значит вовсе: вас, мол, испугался.
Я силы здесь коплю на новый бой —
Я с вами лишь пока не рассчитался.

Затыкают искусственно глотку,
Чтоб ни петь, ни писать я не смог.
Навалился бы сдуру на водку,
Иль семью проводил за порог.
Ну а там аморалка и точка,
Из трясины не вынуть ноги.
Если это последняя строчка —
Задохнутся от счастья враги.
Да иной задохнутся развязкой,
Одного-то враги не учли:
Я же плоти и крови крестьянской,
От самой древнерусской земли!
От земли богатырская сила,
Твердость, ласковость и доброта.
За моею спиною Россия,
А за ними чего, пустота?
Ах, как пахнут ветра по округе
Молодыми хлебами полей!..
Морокуйте, враги, на досуге,
Кто из нас на сегодня сильнее.

СОДЕРЖАНИЕ

Тропинка к незамутненному роднику. В. Телегина.	3
«Опять в заволжье сердце просится...»	7
«Конечно, я вернусь туда...»	8
Земля	9
«Было горестно мне...»	10
«Мы славяне и плотью, и кровью...»	11
«Суховет обжигали...»	12
«Ракетный век, а ты про поле...»	13
Родное	14
Старуха	15
Шестьдесят декабрей	16
Тетя Маня	17
Дед	19
Ушел солдат	20
Обелиск	21
Фатьяновские песни	22
Уголок России	23
«Теперь не спрашивают...»	24
«Реку затягивает ряска...»	25
Умирающий пруд	26
«Лес порублен...»	27
В избе крестьянской	28
Под Ежовским курганом	29
«Сквозь чужую границу...»	30
Русские песни	31
«По всей Руси был зной...»	32
Стихия	33
На Колве	34
«И мрак, и зло...»	35
«Мне б дорогу длинную, как Волга...»	36
Телеграмма	37
Письмо	38
Омут	39
«О, как спешил...»	40
Снег	41
Изба	42
Свет	43
«То пьем, то бодем...»	44
Отец	45
«К земле привязан человек...»	46
«Со стоном свылась тишина...»	47
«Колбасу, апельсин...»	48
На перевязке	49
Тишина	50
«Пока здоров и молод...»	51
«В дождь и в зной...»	52
Ветловый затон	53
Сказка	54
Богатое	55
«Клубники дочке набери в лопух...»	56
Тропа	57

Лось	58
«Ветер шустрый налетел...»	59
«Камыши зашипели...»	60
Деревня	61
Иван Тонких	62
«Месяц высветил к речке дорожку...»	63
«Дом на слом...»	64
Колодезный журавль	65
«Сентябрь...»	66
«По круче корни...»	67
«В лесу не видно осени...»	68
«Сентябром леса пометил...»	69
«Сентябрь жарою одарял...»	70
«Сыро, холодно в лесу...»	71
«И в лето дожди, и в осень...»	72
«Дожди затяжные смолкли под утро...»	73
«Раздвинув сети тонких веток...»	74
«Заморожены лужи...»	75
В зимнем лесу	76
«На заросшие бором сопки...»	77
Гуда	78
«Небо тучами заволокло...»	79
«Как старик под чужим коромыслом...»	80
Новогодняя елка	81
«Надвинув шапки соболиные...»	82
Шумиха	83
«Ты в восьмом, а я в девятом...»	84
«Ничего я не забыл...»	85
«Ты пришла из юности...»	86
«Я шел к тебе...»	87
«Чего страдал...»	88
«По-иному страдал и любил...»	89
«Была любима мной когда-то...»	90
«Дарю тебе уральскую весну...»	91
«Несравненная женщина, здравствуй!...»	92
«Затеряюсь на время в лесу...»	93
«Далеко за синими лесами...»	94
Сын	95
Подснежник	96
«Зеленый луг...»	97
«На юг ты едешь...»	98
«Стужа. Темь...»	99
Ярослава	100
Тучи	101
«А дождь прекратился...»	102
«Расцвечена старица ряской...»	103
«Захлебнулись птичьи голоса...»	104
Старица	105
«Небосвод из дождинок соткан...»	106
Родительский дом	107
«Фатеев дол...»	108
«Старый дом...»	109
Здравствуй, Патровка!	110
«Мне в спину солнце...»	111

«По левую сторону — поле...»	112
На родной земле	113
Уезжаю	114
«Жизнь прошла...»	115
«Не помогали молодцы...»	116
«Пошли вы к черту...»	117
«Затыкают искусственно глотку...»	118

.

Литературно-художественное издание

ВОСТРИКОВ
Федор Сергеевич

В ИЗБЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ
СТИХИ

Выпуск 1995 год

Спонсоры: городская муниципальная хозрасчетная поликлиника
главный врач Каменских С. Н.
фирма «Надежда». Директор Кузнецов Л. Я.

Художник Е. Д. ШЕЛОННИКОВ

Корректор Г. Б. ЧЕРНИКОВА

